

Пинхас Рутенберг в Одессе^{1*} (по британским архивным материалам)

"...промелькнуло суровое, решительное лицо Рутенберга..."

В. Маргулиес 1923: 40

Богатая событиями биография видного общественно-политического деятеля Петра (Пинхаса) Моисеевича Рутенберга (1879, Ромны Полтавской губ. — 1942, Иерусалим) изучена сравнительно неплохо (см., например: [Яри-Полескин 1939, Шалтиэль 1990]). И все же в ней пока еще остается немало лакун. К одной из таких лакун относится пребывание Рутенберга в Одессе в период так называемой французской интервенции (декабрь 1918 — апрель 1919).² Из печатных источников известно, что Рутенберг появился в Одессе не позднее 1 февраля 1919;³ в качестве советника по вопросам продовольствия вошел в сформированный французскими союзническими войсками 23 марта Комитет обороны и продовольствия (см. [В. Маргулиес 1923: 22]);⁴ в ночь со 2 на 3 апреля присутствовал при встрече представителей одесского Совета рабочих депутатов с французским командованием, на которой были оговорены условия перехода власти в городе от французов к большевикам (см.: [Болкун 1925: 395-96]); 3 апреля от имени Комитета обороны на совместном заседании совета старейшин Городской Думы, делегатов Совета профсоюзов и членов Городской управы объявил об эвакуации французских войск из Одессы (см.: [Гуковский 1928: 264]); а через несколько дней вместе с Комитетом благополучно эвакуировался на о. Халки на пароходе "Кавказ" (см.: [Штерн 1922: 162-63]).

И однако, чем же конкретно занимался Рутенберг на посту советника по вопросам продовольствия — одним из самых ответственных (считается, что едва ли не главной причиной ухода французов стала именно невозможность прокормить Одессу, см.: [Brinkley 1966: 133, 348; Carley 1983: 162, 168])?⁵ Прояснить это, а также и другие обстоятельства пребывания Рутенберга в Одессе, позволяют некоторые документы, хранящиеся в британских Национальных архивах в Лондоне (National Archives, Kew).

Первый из них, хранящийся под шифром KV2/827 и принадлежащий перу британского секретного агента Сидни Рейли (Sidney George Reilly;

* Впервые опубликовано в сборнике *Jews and Slavs*, vol. 17, Jerusalem 2006.

правильное произношение фамилии — "Райли"; настоящее имя — Шломо Розенблюм; 1873(?), Херсон(?) — 1925, Москва; о нем см. Cook 2002, Spence 2002), является отзывом-рекомендацией, написанным, для того чтобы облегчить находившемуся в Париже Рутенбергу получение британской визы, в которой ему изначально было отказано. Решение об отказе было принято британскими властями в Лондоне на основе двух более ранних, неблагоприятных отзывов, об авторах которых мы ничего не знаем. Не дошли до нас и сами отзывы, переправленные в Лондон из британского консульства в Константинополе (где Рутенберг некоторое время находился после эвакуации из Одессы). С пересказа этих негативных отзывов и начинается "донесение лейтенанта Рейли", лично знавшего Рутенберга еще с довоенных времен (см.: [Spence 2002: 272]) и вставшего на его защиту:

Copy of Lieut Reilly's Report

Rutenberg

Both reports from Constantinople are typical examples of what S[ecret] S[ervice] reports should not be. The only wholly correct facts stated are: — that Rutenberg is a Jew, an engineer and that he has killed the priest Gapon. All the rest are either half-truths, or entirely inaccurate statements, or incorrect conclusions drawn from half-understood information. The first report (from G[eneral] H[ead-] Q[uiarters] "I") is apparently by a very inexperienced British agent and shows complete ignorance of Russian political affairs and personalities. The chucking together into one pot of Rutenberg, Braikevitch, Rudneff, etc., is funny, as they represent very divergent political opinions, e. g. Braikevitch is a typical bourgeois of democratic leanings possessing a large fortune, director of very important companies, and is anything but a revolutionist. He was Mayor of Odessa and is now in this country attending to a large shipping business.

The second report, which is apparently from a Russian source, teems with similar misstatements, and its value is furthermore invalidated by hardly disguised maliciousness, such as for instance, the misleading mention of the co-operation of Rutenberg with the provocateur Azeff, and the suggestion that the triumph of Bolshevism in Russia is due to Rutenberg's activities. It would lead too far to disprove all the historical inaccuracies of the second report, and I shall therefore confine myself to Rutenberg during the Odessa period, of which I have personal knowledge.

Rutenberg was one of the very few men in Odessa who realized that the salvation of Odessa and the surrounding territory lay in a close co-operation between the French authorities and the Volunteer Army, and in a practical economic policy. In the first period of the French occupation of Odessa, Rutenberg

confined himself almost exclusively to the solution of the everyday economic problems and interfered very little in political matters. Being a leading member of the Executive Council of the Co-operative Societies of Russia, he represented them on the Commission Interallie de Ravitaillement and performed Herculean labours in order to convert this organization, which from its inception and owing to its heteroclitic composition was doomed to failure, into a practical working machine. In this work he closely co-operated with H[is] B[ritannic] M[ajesty's] representative, Mr Picton Bagge. He was very pro-British and for any practical assistance in his economic schemes he always applied to us first. Far from having any Bolshevik tendencies, he did his utmost to combat Bolshevism in a practical way by endeavouring to re-open factories and providing work for the unemployed, and in this respect he was always in touch both with Mr. Picton Bagge and myself.

His influence in Odessa was such that when the French government were at last made to realise that their policy in the South of Russia was a failure, they called upon Rutenberg to assist them in getting out of the mess. He accepted their offer to become a member of the Council of Defence on four conditions which the French under the pressure of circumstances had finally to agree to. The conditions were:

Approval of the Volunteer Army.

Cessation of all dealings with Andro, the pro-German Hetmanist agent.

The immediate importation of grain.

An immediate counteroffensive against the Bolsheviks.

As a member of the Council of Defence he was specially in charge of Trade, Industry, Labour and Supplies, and, had all the measures which he advocated been faithfully executed, Odessa could have been saved.

As it is, it is largely due to what he did as Director of Supplies that a Bolshevik rising did not take place in Odessa earlier.

On his arrival in France, Rutenberg has assailed the activities of the French command in Odessa in the strongest terms, and has written on this subject a very remarkable report to M. Clemenceau. Together with Savinkov, Bourtzev and Alexinsky, he is carrying on with very insufficient means an energetic propaganda against the Bolsheviks. I have had several conversations with him in Paris recently, and at my request he has written a report on what ought to be done to improve economic conditions in the rear of the Denikin armies. This report, which I expect to receive in a few days, I consider to be a practical and constructive document of the first order, and I think it will be of value to H[is] B[ritannic] M[ajesty's] Government. Being one of the leading spirits in the Russian co-oper-

ative movement (the only organisation in Russia, which was strong enough to withstand Bolshevik destructive methods), Rutenberg is very anxious to come over to London in order to meet other important members of the Russian Co-operative Societies, who are now here, and to devise with them practical means for economic assistance to Russia. I consider Rutenberg one of the strongest, most patriotic and able men in Russia, and I believe, this opinion will be borne out by Mr. Picton Bagge, who has had a lot to do with him, and M Litvinov-Falinsky, who enjoys the confidence of H[is] B[ritannic] M[ajesty's] Government.

Rutenberg is a Jew, but the interests of Russia count with him first. Especially preposterous is the accusation that because he is a Jew he was connected with the so-called Hepner clique. He was a bitter enemy of every form of illegitimate speculation and I know that he advocated the summary trial of the entire clique of the Jewish speculators in Odessa, which included Hepner, Wolffson, Chary, Ashkenasi, etc.

It is not impossible that the second report from Constantinople emanates even from such an otherwise exceedingly reliable man as Colonel Orloff (for whom I have the highest respect), but Orloff had a grudge against Rutenberg because the latter opposed and decried some very drastic measures which Orloff adopted against Bolshevik agitators in Odessa. Rutenberg insisted that Bolsheviks should be tried by court-martial when arrested, whilst Orloff held less conventional views on the subject.

I have written at some length (1) because I consider that Rutenberg's presence here at this juncture would be very useful, and (2) because I consider that MI reports about Russians are frequently based upon inaccurate reports and hearsay. (3) Because it frequently happens that completely undesirable Russians (such as Chary or Khari, against whom most damning reports had been sent in by Mr Picton Bagge, the High Commissioner in Constantinople and myself) were admitted to England, whilst perfectly respectable and useful Russians are refused admittance.

(signed) Sidney G. Reilly
Lt RAF
11.9.19
London

Перевод:

"Копия донесения лейтенанта Рейли
Рутенберг

Оба константинопольских донесения — яркий пример того, какими донесения секретной службы быть не должны. Полностью соответствую-

щими действительности фактами в них являются лишь следующие: Рутенберг — еврей, инженер и убийца священника Гапона.⁶ Все остальное — или полуправда, или совершенно неправильные утверждения, или неверные выводы на основе полупереваренной информации. Первое донесение (с пометкой "Ставка главного командования, I"), по-видимому, написано очень неопытным британским агентом и демонстрирует полное незнание российской политики и конкретных лиц. Сваливать Рутенберга, Брайкевича,⁷ Руднева⁸ и др. в одну кучу просто смешно, т. к. у них очень разные политические взгляды. Так, Брайкевич — типичный буржуа демократической ориентации, владелец большого состояния, директор солидных компаний и отнюдь не революционер. Он был одесским городским головой, а теперь в Британии занимается крупными морскими перевозками.

Второе донесение — по-видимому, из русских источников — полно таких же неточных утверждений. Его значимость дополнительно уменьшается из-за плохо скрытого злобного тона, который чувствуется, например, во вводящем в заблуждение упоминании о сотрудничестве Рутенберга с провокатором Азефом,⁹ а также в предположении, что своим триумфом большевизм в России обязан Рутенбергу. Опровержение всех исторических неточностей, содержащихся во втором донесении, завело бы нас слишком далеко, и я сосредоточусь на деятельности Рутенберга в одесский период, о которой знаю не понаслышке.

Рутенберг был одним из очень немногих лиц, которые осознавали, что спасение Одессы и прилегающей к ней территории зависело от тесного сотрудничества французских властей с Добровольческой армией,¹⁰ а также — от прагматичной экономической политики. В первый период французской оккупации Одессы Рутенберг почти исключительно ограничивался решением ежедневных экономических вопросов и почти не вмешивался в политические. Будучи влиятельным членом Исполнительного комитета российских кооперативных обществ,¹¹ Рутенберг являлся его представителем в *Commission Interallie de Ravitaillement*¹² и прилагал невероятные усилия, дабы превратить эту организацию, с момента ее образования обреченную на неуспех из-за своей монструозной структуры, в действующий механизм. Выполняя эту работу, он тесно сотрудничал с консулом Его Британского Величества, г-ном Пиктон Багге.¹³ Рутенберг очень симпатизировал Британии и за практической помощью в своих экономических планах в первую очередь неизменно обращался к нам.¹⁴ Далекий от большевизма, он боролся с ним как только мог, практическим путем, открывая остановленные фабрики и предоставляя работу безработным,¹⁵ и по этим вопросам он всегда находился в контакте и с г-ном Пиктон Багге, и со мной.

Влияние Рутенберга в Одессе было таким, что когда французские власти наконец убедились в том, что их политика на Юге России проваливается, они обратились за помощью к Рутенбергу. Тот принял их предложение войти в состав Комитета обороны, выдвинув четыре требования, с которыми французы были вынуждены согласиться под давлением обстоятельств. Вот эти требования:

Оказание поддержки Добровольческой армии.

Прекращение всяких контактов с Андро, гетманским агентом с пронемецкими симпатиями.¹⁶

Немедленная организация ввоза зерна.

Немедленное контрнаступление против большевиков.¹⁷

В Совете обороны в компетенцию Рутенберга входила сфера торговли, промышленности, труда и снабжения, и если бы предлагавшиеся им меры были должным образом предприняты, Одесса могла бы быть спасена.

Как бы там ни было, именно его действия в качестве ответственного за снабжение, главным образом, отдалили большевистское восстание в Одессе.

По прибытии во Францию Рутенберг стал самым серьезным образом критиковать деятельность французского командования в Одессе и написал на эту тему чрезвычайно примечательный меморандум, адресованный Клемансо.¹⁸ Вместе с Савинковым,¹⁹ Бурцевым²⁰ и Алексинским,²¹ с совершенно недостаточными средствами, Рутенберг ведет энергичную антибольшевистскую пропаганду. Недавно я несколько раз беседовал с ним в Париже, и по моей просьбе он написал меморандум о том, что должно быть сделано для улучшения экономических условий в тылу денкикинских подразделений. Я считаю этот меморандум, который надеюсь получить через несколько дней, документом исключительной важности с практической и конструктивной точки зрения, и полагаю, что он пригодится правительству Его Британского Величества. Будучи одним из лидеров российского кооперативного движения (единственного объединения в России, которое оказалось достаточно сильным, чтобы противостоять деструктивным методам большевиков), Рутенберг очень хочет приехать в Лондон, чтобы встретиться с другими находящимися тут видными членами российских кооперативных обществ и разработать с ними меры по экономической помощи России. Я считаю Рутенберга одним из самых сильных, патриотически настроенных и способных людей в России, и полагаю, что с моим мнением согласятся г-н Пиктон Багге, который много сотрудничал с Рутенбергом, и г-н Литвинов-Фалинский,²² которому доверяет правительство Его Британского Величества.

Рутенберг — еврей, но интересы России для него — прежде всего.²³ Особенно нелепы обвинения, будто по причине своего еврейского происхождения он оказался связан с кликой Гепнера.²⁴ Рутенберг был заклятым врагом любых форм незаконной спекуляции, и я знаю, что он выступал за ускоренный судебный процесс над всей кликой еврейских спекулянтов в Одессе, включая Гепнера, Вольфсона,²⁵ Хари,²⁶ Ашкенази²⁷ и др.

Не исключено, что второе донесение из Константинополя даже получено от такого во всех остальных отношениях весьма надежного человека, как полковник Орлов²⁸ (к которому я отношусь с огромным уважением). Но у Орлова с Рутенбергом были трения, потому что сей последний возражал против некоторых очень решительных шагов, предпринятых Орловым по отношению к большевистским агитаторам в Одессе. Рутенберг настаивал на том, чтобы большевиков по аресте судили военным судом, тогда как Орлов исповедовал не столь традиционные взгляды на этот предмет.²⁹

Я пишу так подробно, 1) потому что считаю, что в теперешней ситуации присутствие Рутенберга здесь было бы очень полезным, и 2) потому что полагаю, что отчеты секретной службы о россиянах часто основаны на неточных сообщениях и слухах, 3) и часто случается так, что совершенно нежелательные лица из России (например, Хари, самые порочащие сведения о котором были сообщены г-ном Пиктоном Багге, Верховным Комиссаром в Константинополе и мною) допускаются в Англию, в то время как абсолютно порядочным и полезным россиянам отказывают во въезде.

(подпись) Сидни Дж. Рейли
лейтенант Королевских Военно-воздушных сил
Лондон, 11 сентября 1919"

Донесение Рейли произвело желаемый эффект. Как выразился один из чиновников британских спецслужб в сопроводительной заметке, оно "appears to knock the G[eneral] H[ead-] Q[uiarters] Constantinople report and the other report from Constantinople of the 6th May absolutely to pieces".³⁰ Другой чиновник, некто г-н Фарина (Farina), укрывшийся под кодовым именем M.I.5.G.4, вскоре отреагировал: "we now agree to withdraw our objections to the grant of a visa for the UK to this man. Will you kindly instruct Paris accordingly [?]".³¹ Судя по сообщению Рейли Арчибальду Синклеру (Archibald Sinclair), секретарю Уинстона Черчилля, некоторое время спустя отметка в паспорте Рутенберга, воспрепятствующая въезд в Британию (и косвенно свидетельствующая о неблагонадежности), была вычеркнута, а виза — выдана (см.: [Spence 2002: 272]). Рутенберг прибывает в Лондон, а оттуда отправляется в подмандатную Палестину, чтобы при

содействии Черчилля и на средства барона Джеймса Ротшильда заниматься ее электрификацией.

Но можно ли слепо доверять всему тому, что говорится об одесском периоде жизни Рутенберга в донесении Рейли? Исследователями установлено, что пребывание Рейли в Одессе ограничивается 3 февраля — 10 марта 1919 (см.: [Spence 2002: 252, 257], а также [М. Маргулиес 1923: 215, 225, 236-37, 289]), а значит, несмотря на заверения Рейли, что он знает о деятельности Рутенберга не понаслышке, работа Рутенберга в Межсоюзнической комиссии по снабжению и в Комитете обороны описана по преимуществу с чужих слов — скорее всего, со слов самого Рутенберга. Может, прав был еще один агент британских спецслужб, весной 1922 г. отозвавшийся о донесении Рейли от 11 сентября 1919 как о "whitewash" [Spence 2002: 351]?³²

Ответить на этот вопрос поможет второй публикуемый нами документ, хранящийся в том же архиве под шифром FO371/3963. Это рапорт номер 248 генерального консула Великобритании в Одессе Генри Кука (Henry Arthur Cooke, 1862-1946), отправленный в британское Министерство иностранных дел в Лондоне (с копией в британское дипломатическое представительство в Константинополе) из Одессы 26 марта 1919 — к сожалению, местами не расшифрованный. Будучи лицом, никак не заинтересованным ни в обелении, ни в очернении репутации Рутенберга, вот что Кук сообщает об их беседе, состоявшейся накануне:

In an interview I had yesterday with Mr. Rutenberg, Councillor for Ravitaillement and Labour attached to French command, he dwelt on actual food position here as very serious, supplies of flour for present scanty rations sufficing only till March 28th. But all efforts are being made to obtain [additional?] 2000 tons from Kurdistan for (gr[oup] indec[ipherable]), besides which French Command is endeavouring to secure despatch from other quarters of 15000 tons per month in exchange for 5000 poods of sugar.

He said that he could not answer at all for town population if supplies failed but trusted efforts now being made would tide over urgent (gr[oup] om[fitted]?) Odessa. He is also endeavouring to restart works here to give employment to some 9000 men, providing oil fuel can be obtained, and requested my assistance in urging facilities at Batoum for loading and rapid despatch by one vessel already there and another sailing tomorrow from here. He dwelt on great importance of finding employment, in interests of preserving order and further of manufacturing goods, with which to obtain grain from Crimea as peasants will not surrender available supplies.

I have accordingly telegraphed Batoum.

Перевод:

"В беседе, которая состоялась у меня вчера с г-ном Рутенбергом, советником по вопросам труда и снабжения при французском командовании, он охарактеризовал здешнюю ситуацию с провиантом как очень серьезную: запасов муки при теперешних скудных рационах хватит только до 28 марта. Но предпринимаются все усилия, чтобы получить [дополнительные?] 2000 тонн из Курдистана за (группа [знаков? — А. Р.] не расшифрована). Кроме того, французское командование пытается наладить поставку 15000 тонн в месяц из другого источника, в обмен на 5000 пудов сахара.

Рутенберг сказал, что он не может ручаться за население города, если снабжение не наладится, но полагает, что предпринимаемых сейчас мер будет достаточно для неотложных (группа [знаков? — А. Р.] пропущена?) в Одессе. Он также пытается вновь ввести в строй здешние фабрики, чтобы предоставить работу около 9000 человек, если будет получено топливо, и попросил меня посодействовать ускорению загрузки и отправки из Батума³³ одного судна, которое уже там, и другого, которое отправляется отсюда завтра. Он подчеркнул важность решения проблемы с безработицей во имя поддержания порядка, а также ради производства товаров, с помощью которых можно получить зерно из Крыма, поскольку иначе крестьяне не хотят расставаться с имеющимися у них запасами.

Я так и телеграфировал в Батум".

Донесение Кука, с одной стороны, дополнительно конкретизирует то, чем занимался Рутенберг на своем посту в Совете обороны, а с другой, вносит необходимые коррективы в отношении результатов деятельности Рутенберга. Проблемы, с которыми Рутенберг сталкивался по долгу службы, были не новы. Его предшественник на аналогичной должности (при военном губернаторе Одессы генерале А.Н. Гришине-Алмазове), уже упоминавшийся В.П. Литвинов-Фалинский, 9 февраля 1919 сетовал в связи с отсутствием в Одессе топлива: "Паровозы не идут, электричество не действует, пароходы не ходят. Правда, грузины прислали нефть из Батума, но требуют за нее хлеба — а хлеба у нас нет" [М. Маргулиес 1923: 200]. 22 февраля того же года он же сообщал, что местные крестьяне ни одного пуда хлеба за деньги не дают — какова бы ни была предложенная сумма. До сих пор меняли хлеб на сахар. Сахара уже нет. Николаев и Херсон дадут за нефть, но Батум нефти за деньги тоже не дает. Он, Литвинов-Фалинский, уговорился с приезжавшим англичанином [...], что Батум, где у англичан 100 миллионов пудов керосина, отпустит в кредит 10 миллионов, которые впоследствии можно будет оплатить хлебом [...].

а хлеб на исходе. Через 10 дней будут съедены последние запасы" [М. Маргулиес 1923: 243].

Звучит знакомо, не правда ли? Увы, нет никаких оснований утверждать, что Рутенберг справлялся с ситуацией лучше, чем это удавалось подавшему в отставку Литвинову-Фалинскому. Предпринимаемые Рутенбергом меры, частично перечисленные в обращении Совета обороны к населению Одессы от 29 марта 1919 — выделение средств "для организации бесплатных и дешевых столовых для беднейшего населения и рабочих", обещание организовать разгрузку и распределение товаров с находящихся в Одессе пароходов, сведения об отправке пароходов в Батум за нефтью и в Мариуполь за углем "для получения топлива, для пуска в ход заводов и занятия безработных рабочих", не говоря уже о якобы направленных из-за границы в Одессу "около миллиона пудов хлеба, по получении которого паек будет постепенно доведен до 3/4 фунта на человека и до 1 1/2 фунта для рабочих, занятых тяжелым трудом" [В. Маргулиес 1923: 29], борьбе со спекуляцией и даже решении отменить свободу хлебной торговли [Гуковский 1928: 197-98, 219] — могли оказаться эффективными,³⁴ но времени на их проведение в жизнь уже не оставалось. Еще до того, как процитированное выше донесение консула Кука было прочитано в Лондоне, Совет четырех (Клемансо, Ллойд Джордж, Вудро Вильсон и итальянский премьер-министр Витторио Орландо) 27 марта 1919 принял решение об эвакуации французских войск из Одессы, а 29 марта Клемансо (по совместительству занимавший пост военного министра) издал соответствующую директиву, приведенную генералом д'Ансельмом в исполнение 3-6 апреля [Carley 1983: 168-71]. В итоге, по оценке полковника российского Генерального штаба И.М. Новикова, "в области гражданского управления новая власть ничем не успела себя проявить. Продовольственная разруха, безработица и тиф по-прежнему сильно давали себя знать беднейшему населению" (цит. по: [Гуковский 1931: 72]).

Разумеется, Рутенберга не следует упрекать в том, что его усилия по нормализации обстановки в Одессе оказались безрезультатными. В конце концов, он явно стремился сделать все от него зависящее, хотя в общей сложности проработал в Межсоюзнической комиссии по снабжению и в Комитете обороны не более месяца. Но не стоит и преувеличивать его заслуги, как это делает в своем донесении Рейли (из лучших побуждений выдавая желаемое за действительное). В общем контексте биографии Рутенберга пребывание в Одессе — всего лишь мимолетный эпизод, значимость которого определяется по преимуществу тем, что в последнем российском периоде жизни нашего героя он оказался завершающим.

Примечания

¹ Автор благодарит одесситов Ольгу Барковскую, Олега Губаря и Елену Каракину за помощь в работе над статьей.

² Решение о вводе войск Антанты на южные территории бывшей Российской империи, положившее начало одному из эпизодов масштабной союзнической интервенции, было принято в ноябре 1918 по просьбе представителей различных легитимных (небольшевистских) российских органов власти на специальном совещании в румынском городе Яссы. Интервенция призвана была помочь России в борьбе с большевизмом из соображений союзнического долга. При этом долг понимался не только в моральном, но и в буквальном смысле. Антанта ставила перед собой широко не афишируемые цели взятия под контроль российских продовольственных и промышленных ресурсов для обеспечения выплаты Россией сделанных ею у союзников военных займов. Бессарабия, Украина и Крым при этом закреплялись за сферой интересов Франции (что, однако, не исключало присутствия на данной территории других союзных войск — в частности, греческих и британских). Первый французский десант прибыл в Одессу 2 декабря 1918 на борту броненосца "Мирабо". Вскоре после высадки 17-18 декабря около 2400 французских солдат под командой генерала Борюса (Albert Borius) власть в городе перешла от украинской Директории к французам. Французский военный контингент продолжал расти, и по некоторым оценкам, в общей сложности присутствие французам на Юге России в описываемый период исчислялось 60000 человек, хотя не все они были военнослужащими и не все находились на данной территории одновременно [см.: Brinkley 1966: 349]. Среди французам было немалое количество колониальных войск, особенно запомнившихся мемуаристам: "Чернокожие хари разгуливали по приморскому бульвару и выглядывали из всех окон б. дворца командующего войсками округа, который они сразу привели в совершенно безобразный вид. Убранство этого дома [...] отличалось редким вкусом и богатством [...], [но] было окончательно испакощено чернокожими, присланными Францией избавить Россию от белых варваров. "Ну и избавители", — говорили одесситы, шарахаясь при встрече с ними в сторону" [Гурко 1924: 76]. Другой современник, настроенный, судя по всему, гораздо менее расистски, все же отмечал, что из-за появления в Одессе колониальных войск "на всем лежала печать чудовищной нелюпости. Так ясно было, что на морском берегу, на узком краешке России еще можно располагать лагерем вывезенных из Африки людей в цветных тюбанах; но дальше их везти невозможно; дальше начинается безбрежная страна, занесенная снегом, с огромными равнинами, болотами, лесеми, по которым ютятся "партизанщина" [Канторович 1922: 202].

³ Член Совета государственного объединения России М.С. Маргулис видел Рутенберга в тот день в очереди на прием к начальнику штаба французских союзнических войск в Одессе полковнику Фрейденбергу (Henry Freydenberg; более правильное написание этой фамилии по-русски — Фредамбер, но мы не станем нарушать уже сложившуюся традицию), см.: [М. Маргулис 1923: 189]. По всей вероятности, Рутенберг приехал в Одессу из Киева, куда, в свою очередь, попал из Москвы, спасаясь от "красного террора". Вот как описывал тогдашнюю Одессу полковник российский Генерального штаба И.М. Новиков: "После падения гетмана и распространения петлюровщины на всю Украину Одесса сделалась главнейшим политическим центром на Юге России. Сюда перекечало все то хорошее и дурное в русской общественности, что по тем или иным причинам не могло или не хотело сотрудничать с большевиками и петлюровцами. Сюда съехались видные представители всех русских политических партий и организаций, различные политические деятели, промышленники, финансисты, торговцы, землевладельцы, целые тучи всевозможных спекулянтов, множество видных чиновников старого режима и гетманских; наряду с ними здесь имели постоянное пребывание представители петлюровской директории для постоянных переговоров с союзниками. Большевики и германские агенты вели свою работу в широких размерах, вербуя себе сторонников среди миллионного населения города. Этот громадный наплыв большей частью богатых и совершенно свободных людей создавал крайне нездоровую атмосферу всевозможных толков, слухов и панических настроений и, безусловно, ухудшал и без того нелегкое положение" (цит. по [Гуковский 1931: 59]).

⁴ "Что-то вроде правительственного аппарата" [Канторович 1922: 206], под председательством командующего союзными войсками на Юге России, генерала д'Ансельма (Philippe Henry d'Anselme). Получил известность как "Шварцевский комитет", по имени генерала А.В. Шварца, назначенного военным помощником д'Ансельма (о том, что именно французы пообещали Шварцу, чтобы уговорить его занять эту должность, см.: [Brinkley 1966: 128]). Редактор "Одесского листка" С.Ф. Штерн охарактеризовал Комитет как "совещание военно-начальствующих лиц, управляющих ведомствами и отраслями управления, в состав которого стали привлекаться разнокалиберные деятели. Разнокалиберным получился и чисто военный штаб нового состава, в который входили и некоторые представители прогрессивного офицерства, и реакционеры, и вчерашние гетманские генералы [...]. В итоге, стремясь создать организацию более национально-демократического типа, чем существовавшая при добровольцах, создали нечто смешанное, в котором, однако, очень давали себя знать черные и желто-благитные цвета. За кулисами управления ген. Шварца проявлялось сильное тяготение к реакции, что и подало повод к остроте о Schwarze Banden [игра слов, в переводе с немецкого долженствующая, по-видимому, обозначать "черную сотню". — А. Р.] [Штерн 1922: 157]. При этом согласно утверждению, сделанному А.В. Шварцем в письме к М.С. Маргулиесу от 4 (21?) марта 1922, эсер и сионист Рутенберг "был приглашен д'Ансельмом [в Комитет обороны. — А. Р.] по моей инициативе" [М. Маргулиес 1923: 356; также см. там же, с. 315].

⁵ Среди других причин называли "необоснованность, непродуманность и несогласованность всего плана союзной помощи русским национальным силам" [см.: Штерн 1922: 158]; нежелание французов, с нетерпением ожидающих отправки на родину после окончания мировой войны, сражаться за чуждые им интересы [Трубецкой 1926: 172]; быстро растущую непопулярность интервентов у местного населения [Carley 1983: 178]; значительные успехи большевистской пропаганды, приведшие к мятежам и дезертирству в оккупационных войсках [Якушкин 1929: 66; Marty 1949; Carley 1983: 161, 177]; и даже влияние "еврейских кругов Одессы, сочувствовавших большевикам и боявшихся утратить "завоевания революции": согласие французов на уход из города было якобы "куплено ценою многих миллионов и [...] состоялось [...] при непосредственном участии [певицы-еврейки. — А. Р.] Излы Кремер, очаровавшей генерала д'Ансельма" [Майбородов 1925: 136, 138].

⁶ Гапон, Георгий Аполлонович (1870-1906) — священник, один из вождей рабочего движения, инициатор петербургского шествия рабочих к царю 9 января 1905 г., агент охраны. Об участии Рутенберга в его судьбе см.: [Рутенберг 1925].

⁷ Брайкевич, Михаил Васильевич (1874-1940) — инженер, член партии кадетов, председатель Одесского областного военно-промышленного комитета, товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства при А.И. Коновалове, участник Яскового совещания, одесский городской голова с марта по сентябрь 1917 и в период французской интервенции, автор мемуаров об интервенции ["Из революции нам что-нибудь...", На чужой стороне, 5, 1924: 217-50], в которых, в частности, говорится, что о предстоящей эвакуации Одессы французами ему по телефону утром 2 апреля сообщил именно Рутенберг (с. 249).

⁸ Руднев Вадим Викторович (1874-1940) — врач по образованию, видный член партии эсеров и Союза земств и городов (Земгор), московский городской голова в середине 1917 — начале 1918, неофициальный участник Яскового совещания. В описываемый период в Одессе действовал как представитель Земгора.

⁹ Азэф, Евно Фишелевич (1869-1918) — один из лидеров партии эсеров, осуществлял фактическое руководство ее "боевой организацией", одновременно сотрудничая с полицией. Разоблачен как двойной агент в 1908. О его отношениях с Рутенбергом и роли в подготовке убийства Гапона см.: [Рутенберг 1925].

¹⁰ Отношения главнокомандующего Добровольческой армией генерала А.И. Деникина с французским командованием в Одессе почти с самого начала были осложнены тем, что он настойчиво просил направить в различные населенные пункты войска, которых в распоряжении французов попросту не было. При этом, отчасти следуя инструкциям способствовать сплочению всех подручных антибольшевистских сил, отчасти стремясь подчинить себе прилегающие к Одессе территории без кровопролития, французское командо-

вание вело успешные переговоры с представителями украинской Директории, добившись от петлюровских отрядов беспрепятственного отхода с первоначально занимаемых теми позиций. Для Деникина же и его окружения переговоры французов с Директорией означали признание независимой Украины де-факто, а следовательно, были абсолютно неприемлемы. (Бытует мнение, что бой между подразделениями Добровольческой армии под командованием будущего одесского военного губернатора генерала А.Н. Гришина-Алмазова и войсками Директории 18 декабря 1918 при занятии французами Одессы был не нужен, поскольку власть в городе перешла бы в руки французов безо всякого сопротивления, но добровольцы сами затеяли перестрелку, опасаясь заключения соглашения между французами и Директорией [Carley 1983: 121].) Кроме того, многие решения французским властям в Одессе и их ставленникам приходилось принимать без согласования с Деникиным из-за нерегулярности сообщения с Екатеринодаром (где находилась штаб-квартира Добровольческой армии). Деникин воспринимал это как неопозволительную инсубординацию и умаление собственной власти. В частности, он с возмущением воспринял удаление Гришина-Алмазова и назначение на его место генерала Шварца, и уже после эвакуации из Одессы французское командование в Константинополе получило от Добровольческой армии "просьбу о насильственном лишении генерала Шварца власти над вывезенными из Одессы офицерскими кадрами и об его личной высылке из пределов нахождения этих кадров", а дипломатические представители небольшевистской русской государственности за границей получили циркуляр, предписывающий "невыдачу Шварцу никаких удостоверений, необходимых для свободного передвижения" [Гурко 1924: 77-78]. Длинный список претензий деникинского штаба к французам изложен в анонимном "Очерке взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования" [Архив русской революции, 1925, т. XVI, с. 233-62], суть которого можно свести к одной фразе: "все распоряжения французского командования вносили лишь путаницу и подрывали престиж как Франции, так и Добровольческой армии" (там же, с. 249); эвакуация же французов из Одессы здесь характеризуется как "паническое и постыдное бегство" (с. 252). Вместе с тем, на вопрос, не ухудшила ли ситуацию эта эвакуация, Деникин будто бы отвечал: "Ну нет, несколько; ведь [французы] же все равно ничего не делали и даже не отвлекали на себя сколько-нибудь значительных сил большевиков, я полагаю, что их уход на нас совершенно не отозвался" [Трубецкой 1926: 200] (более пространно точка зрения Деникина на события, связанные с пребыванием французов в Одессе, изложена в: [Деникин 1926: 5-54]). Со своей стороны, полковник Фрейденберг в одном из рапортов вышестоящему французскому начальству называл Деникина идиотом, который не знает, что происходит, а о добровольцах говорил, что они мало чем отличаются от большевиков [см.: Carley 1983: 156].

¹¹ По всей вероятности, Рейли имеет в виду Всероссийский Центральный Союз потребительских обществ (так называемый Центросоюз).

¹² Организация, известная также под названием Comité Interallié de Ravitaillement (Межсоюзнический комитет по снабжению Юго-Западного края). Образована французскими властями 10 марта 1919 как филиал Центрального комитета по снабжению освобожденных европейских территорий, находившегося в Лондоне. В ее задачи входило "регулирование всего внешнего и внутреннего товарообмена, выдача разрешений на ввоз и вывоз товаров, установление цен на них, наложение взысканий за спекулятивное повышение цен на ввозимые товары, предоставление тоннажа и валюты" [Гуковский 1928: 38]. Обладала чрезвычайно широкими полномочиями, поскольку все учреждения и лица были обязаны беспрекословно подчиняться ее решениям.

¹³ Sir John Picton Bagge (1877-1967). Получил образование в Итоне и Кембриджском университете. На дипломатической службе с 1905 г., в том числе в России (1905-18) и на Украине; впоследствии переведен в Берн (1921) и Брюссель (1922). С 1928 по 1937 был заведующим иностранным отделом в Министерстве внешней торговли. В 1941-61 гг. — мировой судья. Именно он в беседе с главнокомандующим союзными силами на Восточном фронте генералом Франше д'Эспере (Louis Felix Marie Francois Franchet d'Esperey, прозванный одесситами Franchement Desespere, т. е. "совершенно безнадельный", см.: [В. Маргулис 1923: 19]), состоявшейся в Одессе 21 марта 1919, обсуждал кандидатуру Рутенберга на пост в местной администрации [см. "Notes of Conversation between Gen.

F. D'Esperey and Mr. Picton Bagge [...] at the French staff, Odessa, March 21, 1919", National Archives, FO371/3963].

¹⁴ В тот период, несмотря на свой союзнический статус, британцы и французы остро соперничали между собой за влияние на российские военные и гражданские власти, и британская линия поведения в этом поединке часто одерживала верх. Как рапортовал Джон Пиктон Багге вышестоящему начальству, "The French seem to have no idea of how to handle the Russian. They are too uncertain and easily get angry. They either ask too politely or demand too roughly" [National Archives, FO371/3963, John Picton Bagge to Sir George Russell Clerk, 4 February 1919; перевод: "Французы, похоже, понятия не имеют, как обращаться с русскими. Они слишком нерешительны и легко выходят из себя. Они или просят слишком вежливо, или требуют слишком грубо"]. Со своей стороны, полковник Фрейденберг считал, что "Denikin's obstinacy was directly related to the fact that he was under strong British influence" [Brinkley 1966: 122; перевод: "упрямство Деникина явно следовало отнести на счет сильного влияния британцев"].

¹⁵ По некоторым данным, безработица в 15 профессиональных союзах Одессы на 1 января 1919 составляла 67.6% [Анулов 1925: 127].

¹⁶ Андро Дмитрий Федорович (1866-?) — был офицером лейб-гвардии Казачьего полка, уездным предводителем дворянства на Волыни и депутатом 1-й Государственной Думы (член фракции "мирного обновления"). В мае 1918 получил назначение на пост старосты Волынской губернии от гетмана П.П. Скоропадского. 15 марта 1919 стал помощником (по гражданской части) генерала д'Ансельма, пообещав ему поставить в Одессу полтора миллиона пудов зерна. По мнению современника, информировавшего адмирала А.В. Колчака о положении на Юге России, "по-видимому, [Андро —] это как раз тот человек, какой сейчас нужен французам, ведущим в Южной России политику компромисса и примирения непримиримого. С одной стороны, Андро — человек русский, и в Одессе он поддерживал хорошие отношения с представителями русской партии — В.В. Шульгиным [...] и др.; с другой стороны, он — украинец, ибо был при Скоропадском волынским губернским старостой и проводил на Волыни политику украинизации, а теперь, в Одессе, поддерживал хорошие отношения с "украинской громадой". С третьей стороны, Андро — француз, и ныне он кстати вспомнил, что якобы настоящая его фамилия — Андро [де] Ланжерон" [Кин 1926: 6]. Снискал репутацию нечестного на руку оппортуниста. Так, уже находясь в Париже, Рутенберг публично обвинял Андро в том, что "1) он "не отчитался" в казенных деньгах, бывших у него в качестве волынского губернского старосты при гетмане Скоропадском; 2) он присвоил казенные деньги при эвакуации Одессы; 3) на казенные деньги он скупил пред эвакуацией Одессы валюту и торговал ею на пароходе "Кавказ" среди одесских беженцев; 4) он организовал фиктивную экспедицию в славянские земли и получил для нее значительные казенные средства от ген. Шварца. Не касаюсь пока темной истории организованного г. Андро переворота и неудавшегося краевого одесского правительства, организации им в Константинополе кампании доносов английскому и французскому командованиям против лиц, мешавших ему грабить казенные деньги, организации в Константинополе наемных убийц для уничтожения опасных для него лиц, его отъезда из Константинополя в качестве "польского" беженца и пр. Ген. Андро [...] может привлечь меня к любому суду, которому докажу сказанное выше документами и свидетельскими показаниями. [...] Считаю необходимым, чтоб русские власти в Париже сами назначили следствие по этому делу, пользуясь присутствием здесь г. Андро и многих беженцев из Одессы, знающих его и его деятельность" [Рутенберг 1919: 4]. Андро отрицал возводимые на него обвинения: "только два факта [...] соответствуют действительности: а именно, что я приехал в Париж и что я, к сожалению, под давлением непреодолимых обстоятельств и влияний, был вынужден некоторое время "работать" вместе с П. Рутенбергом в Совете обороны Одессы. Все остальное, от начала до конца, является самой злостной ложью. [...] П. Рутенберг будет привлечен к ответственности, но не перед "любым судом", а перед судом, к которому я только и могу обратиться, т. е. Русским Судом" [Андро 1919: 4]. Разбирательство, таким образом, откладывалось до восстановления легитимной власти в России.

¹⁷ Со взятием большевиками Херсона (10 марта 1919) и с отступлением французских и греческих войск от станции Колосовка (12 марта) и из Николаева (12-14 марта) Одесса оказалась отрезанной от прилегающих областей, традиционно снабжавших ее сельскохозяйственной продукцией.

¹⁸ Clemenceau, Georges (1841-1929) — премьер-министр Франции в 1906-09 и 1917-20 гг.

¹⁹ Савинков Борис Викторович (1879-1925) — писатель и политический деятель, член партии эсеров, один из руководителей ее "боевой организации", товарищ военного министра во Временном правительстве, активный антибольшевик. Арестован после нелегального перехода советской границы, покончил с собой в тюрьме.

²⁰ Бурцев Владимир Львович (1862-1942) — революционер-народовец и журналист, одно время близкий эсерам. Разоблачил провокаторство Е.Ф. Азефа. Издавал журнал "Былое" и газету "Общее дело", в которых печатался Рутенберг.

²¹ Алексинский Григорий Алексеевич (1879-1967) — социал-демократ, депутат 2-й Государственной Думы, член марксистских групп "Вперед" и "Единство". Вместе с Бурцевым разоблачил в печати связь вождей большевизма с немецким Генеральным штабом.

²² Литвинов-Фалинский Владимир Петрович (1868-1929) — окончил петербургский Технологический институт, с 1895 служил по Министерству финансов, с 1905 по 1915 — управляющий отделом промышленности в Министерстве торговли и промышленности. Эксперт по вопросам охраны труда и страхования рабочих. В описываемый период заведовал Отделом торговли и промышленности при гражданском управлении в Одессе.

²³ Еврейский вопрос в Одессе — городе с многочисленным и влиятельным еврейским населением — в то время заметно обострился. Широко распространенные предрассудки со всей откровенностью выразил князь Е.Н. Трубецкой: "Я никогда не был иудофобом и не сочувствую современному стремлению изобразить евреев как единственных или даже главных виновников гибели России. Но с другой стороны, было бы странно ожидать, чтобы еврейская интеллигенция могла стать носителем русского патриотизма" [Трубецкой 1926: 165]. На этом фоне публичные изъятия благорасположенности по отношению к евреям компрометировали французские власти во мнении определенных местных кругов. Генеральный консул в Одессе Пиктон Багге извещал свое лондонское начальство: "The close and friendly relations of the French with the Jews is exasperating the Russians, the more so as the Jews are, and always were, very Germanophile. General d'Anselme was to be seen at the theatre arm in arm with a Jew lawyer who had been expelled from the Society of lawyers. French officers are continually in the society of rich Jews, and go about with Jewesses" [National Archives, FO371/3963, John Picton Bagge to Sir George Russell Clerk, 4 February 1919; перевод: "Близкие и дружественные отношения французоз с евреями возмущают русских, особенно потому, что евреи всегда были и остаются германофилами. Генерал д'Ансельм едва ли не напоказ прохаживался в театре рука об руку с евреем-юристом, которого исключили из юридической Коллегии. Французские офицеры постоянно находятся в обществе богатых евреев и разгуливают с еврейками"]. Не стоит поэтому удивляться, что обывательские слухи связывали непопулярную политику, проводимую французскими властями в Одессе, с еврейским влиянием. По воспоминаниям представителя одесской гражданской власти при французском военном контингенте Владимира Майбородова, "сестра жены моего брата упорно твердила, что раз высшее французское командование спуталось с еврейскими артистками Изой Кремер, Верой Холодной и др., то добра от этого не будет — евреи поставят на своем и сдадут большевикам Одессу, покинув ее на произвол судьбы" [Майбородов 1925: 135]. Внезапную смерть двадцатипятилетней Веры Холодной, последовавшую 17 февраля 1919, объясняли отравлением по приказу французского консула Энно (Emile Henno), дабы она не разгласила какие-то тайны (см.: [Анулов 1925: 58]). Об Энно говорили, что он женат на российской еврейке и берет взятки за выдачу виз, о полковнике Фрейденберге — что он сам еврей, "который спекулирует вовсю, торгует казенным шоколадом и другими вещами и [...] особенно близок к одесситам-спекулянтам той же национальности" [Майбородов 1925: 125; утверждение, что Фрейденберг тоже требовал крупную мзду за выдачу виз, см. Гурко 1924: 81]. Впрочем, по другим отзывам, "русская еврейка, г-жа Энно, [...] приятно поражала своим горячим русским патриотизмом и в этом смысле несомненно оказывала благо-

творное влияние на своего мужа" [Трубецкой 1926: 165], а те, кто успел узнать Фрейденберга поближе, уверяли, что "много было и лжи, и добросовестного заблуждения во всем том, что рассказывали о нем в Одессе" [Марголин 1921: 131]. Имеются также сведения, будто Фрейденберг в действительности был эльзасцем [Канторович 1922: 201; Болкун 1925: 396], а жена Энно — бессарабкой [Канторович 1922: 200; Анулов 1925: 58]. Но анти-семиты во все эти тонкости, разумеется, не вдавались. В ту пору в Одессе нередко отмечались отдельные случаи расправы над евреями — например, публичное избивание и расстрел пьяными добровольческими офицерами двух еврейских подростков якобы за то, что у них "большевистские рожи" [Анулов 1925: 125]. Ждали погромов.

²⁴ Имеется в виду Ю.Г. Гепнер (Хепнер), киевский сахарозаводчик и миллионер, брат известного в Одессе И.Г. Гепнера, директора Общества Юльевских сахарных заводов и Товарищества Могилянского свеклосахарного завода, члена Общества вспомоществования нуждающимся частного училища Л.В. Кричевского. Об обстоятельствах ареста Ю.Г. Гепнера 19 марта 1919 см.: [Симанович 1928: 136]. Скорее всего, именно о братьях Гепнерах говорится в воспоминаниях современника: "Горстка спекулянтов, ловких и безжалостных, во главе с сахарными королями братьями Х., до последней нитки обирала голодных одесситов" [Орлов 1998: 98].

²⁵ Вольфсон (Вольфзон) А.К. — петроградский присяжный поверенный, одно время близкий к Русско-Французскому банку. Арестовывался и ранее в связи с подозрением к причастности прогерманскому шпионскому заговору, но по недоказанности обвинения был освобожден. См. статью без подписи "Арест финансистов" в газете "Одесские новости" от 20 и 21 марта 1919, "К аресту миллионеров" в газете "Одесская почта" от 21 марта 1919, а также [Симанович 1928: 140-41].

²⁶ По-видимому, подразумевается Альберт Рафаилович Хари, потомственный почетный гражданин, действительный статский советник, директор Одесского отделения Русско-Азиатского банка, Северно-русского лесопромышленного общества (Одесса) и Одесского общества химического производства К.Я. Шестопада.

²⁷ По всей вероятности, имеется в виду Зигфрид Евгеньевич Ашкенази (1873-?), надворный советник, председатель правления Барского песочно-сахарного завода, директор Северно-русского лесопромышленного общества и глава одной из одесских банкирских контор.

²⁸ Орлов Владимир Григорьевич (1882-1941?) — юрист-авантюрист, действительный статский советник, на военной службе не продвинулся дальше чина прапорщика, начальник контрразведывательной части отдела Генштаба Вооруженных сил Юга России, находился в Одессе с середины января по начало апреля 1919 (см.: [Орлов 1998: 91-101]).

²⁹ Бессудные расстрелы, введенные военным губернатором Одессы генералом А.Н. Гришным-Алмазовым, стали тогда в Одессе обычной практикой (см.: [Шульгин 1994: 250-51]). О количестве жертв неплохое представление дается в статье заведующего моргом Одесского анатомического театра (см.: [Жмойлович 1925: 384-92]).

³⁰ См. National Archives, KV2/827, пометка от 11 сентября 1919, подпись M.I.I.C [Major Spencer]. Перевод: "кажется, камня на камне не оставило от константинопольского донесения Ставки главного командования, а также от второго константинопольского донесения, датированного 6 мая".

³¹ Там же, пометка от 17 сентября 1919. Перевод: "теперь у нас больше нет возражений против выдачи британской визы этому господину. Пожалуйста, проинструктируйте соответствующим образом наших людей в Париже".

³² Перевод: "незаслуженное оправдание".

³³ Некоторые южные территории бывшей Российской империи, расположенные к востоку от Керчи, в тот момент находились под контролем британских союзнических войск.

³⁴ Что далеко еще не было гарантировано. Так, распоряжения об отправке судов за топливом легко могли оказаться невыполненными по причине постоянных конфликтов между французскими и добровольческими властями. Современники вспоминают, что однажды французы пытались послать за нефтью и керосином "пароход в Батум, но команда отве-

чала решительным отказом выйти из порта без разрешения из Екатеринодара, т. к. в противном случае — ей угрожал расстрел" [Трубецкой 1926: 194]. Обещания о присылке хлеба из-за границы тоже остались невыполненными: "местное французское командование обратилось по телеграфу к ген. Франше д'Эспере с просьбой прислать имеющийся у него американский хлеб. Франше д'Эспере в присылке хлеба отказал, сославшись на то, что это можно сделать лишь с разрешения Верховного совета в Париже. Хлеб так прислан и не был" [Гуковский 1928: 76-77]. Одесситы "долгое время потом питались гороховым хлебом, приготовленным из того гороха, который был припасен для греческих ослов [применявшихся греческими войсками в качестве живой тяги. — А. Р.], и остался, ввиду спешности эвакуации, невывезенным из Одессы. Так этот хлеб и был назван "ослиным" [Канторович 1922: 209].

Литература

- Андро Дм. (1919), "Письмо в редакцию", Общее дело / La Cause Commune (Париж), № 61, 26 ноября.
- Анулов Ф. (1925), "Союзный десант на Украине", Черная книга: Сб-к статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918-1919 гг. / Под ред. А.Г. Шлихтера. Екатеринослав: Гос. изд-во Украины.
- Болкун Ф. (1925), "Мои встречи с д'Ансельмом", Черная книга: Сб-к статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918-1919 гг. / Под ред. А.Г. Шлихтера. Екатеринослав: Гос. изд-во Украины.
- Гуковский А.И. (1928), Французская интервенция на Юге России, 1918-1919 г. М.-Л.: Гос. изд-во.
- Гуковский А. (1931), "Из истории французской интервенции в Одессе", Красный архив, № 45.
- Гурко В.И. (1924), "Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу: 1917-1918 гг.", Архив русской революции (Берлин), т. XV.
- Деникин А.И. (1926), Очерки русской смуты, т. 5, Берлин: Медный всадник.
- Жмойлович (1925), "Мирный порядок", Черная книга: Сб-к статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918-1919 гг. / Под ред. А.Г. Шлихтера. Екатеринослав: Гос. изд-во Украины.
- Канторович Вл. (1922), "Французы в Одессе", Былое, № 19.
- Кин Д. (1926), "К истории французской интервенции на Юге России (декабрь 1918 — апрель 1919 г.)", Красный архив, № 19.
- Майборода В. (1925), "С французами", Архив русской революции (Берлин), т. XVI.
- Марголин А. (1921), Украина и политика Антанты: (Записки еврея и гражданина), Берлин: С. Ефрон.
- Маргулис В. (1923), Огненные годы: Материалы и документы по истории гражданской войны на Юге России. Берлин: Манфред.
- Маргулис М.С. (1923), Год интервенции. Кн. 1 (сентябрь 1918 — апрель 1919). Берлин: З.И. Гржебин.
- Орлов В.Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. М.: Современник.
- Рутенберг П. (1919), "Письмо в редакцию", Общее дело / La Cause Commune (Париж), № 58, 28 сентября.
- Рутенберг П.М. (1925), Убийство Гапона. Л.: Былое.
- Симанович А. (1928), Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина, Рига: Историческая библиотека.
- Трубецкой Е.Н. (1926), "Из путевых заметок беженца", Архив русской революции (Берлин), т. XVIII.

- Шалтиэль Э. (1990), Пинхас Рутенберг: Ал'ято ве-нафилаго шель "иш хазак" бе-Эрец-Исраэль, 1879-1942. Тель-Авив: Ам Овед (иврит).
- Штерн С. (1922), В огне гражданской войны: Воспоминания, впечатления, мысли. Paris: Я. Поволоцкий и К°.
- Шульгин В.В. (1994), "1917-1919 / Предисл. и публ. Р.Г. Красюкова, комментарии Б.И. Колоницкого", Лица: Биографический альманах, вып. 5.
- Яри-Полескин Я. (1939), Пинхас Рутенберг: Хаиш ве-пеула. Тель-Авив: Хаткуфа (иврит).
- Якушкин Е.Е. (1929), Французская интервенция на юге, М.-Л.: Гос. изд-во.
- Brinkley, George A. (1966), Allied Intervention in South Russia, 1917-1921. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.
- Carley, Michael Jabara (1983), Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War 1917-1919. Kingston and Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Cook, Andrew (2002), On His Majesty's Secret Service: Sidney Reilly, Codename ST1. Stroud: Tempus.
- Marty, Andre (1949), La Revolte de la Mer Noire, Paris: Editions sociales.
- Spence, Richard B. (2002), Trust No One: The Secret World of Sidney Reilly. Los Angeles, CA: Feral House.

